

Александр Зорич

Серый Тюльпан

*Часть сборника
Ничего святого (сборник)*

Александр Зорич
Серый Тюльпан

«Автор»

2003

Зорич А.

Серый Тюльпан / А. Зорич — «Автор», 2003

«На бранном поле, остро пахнущем гноем и кровью, сидел, обхватив руками колени, варвар по имени Фрит. Его волосы были скрыты под кайнысом – бесформенным головным убором из некрашеного войлока, похожим на шляпку бледной поганки. Да и сам Фрит был бледным и поганым – последнее, конечно, относилось к его моральным качествам...»

© Зорич А., 2003

© Автор, 2003

Александр Зорич

Серый тюльпан

На бранном поле, остро пахнущем гноем и кровью, сидел, обхватив руками колени, варвар по имени Фрит.

Его волосы были скрыты под кайнысом – бесформенным головным убором из некрашеного войлока, похожим на шляпку бледной поганки. Да и сам Фрит был бледным и поганым – последнее, конечно, относилось к его моральным качествам.

Мародеры, которых в той местности звали по-простому, «дергачами», оставили поле еще вчера вечером.

Некоторые едва шкандыбали, сгибаясь под тяжестью мешков с добычей. Другие – те, кто был достаточно удачлив, чтобы исповедовать лентяйский принцип двух «д» (драгметаллы плюс дензнаки), – шли налегке и посвистывали. Смекалистые делали из попона волокуши и, нагрузив их доспехами, оружием и златотканым платьем, содранным с благородных гиазирова, впрягались в них вместо лошадей и тащили добро, тяжело пыхтя, к реке. Там хлюпали брюхами вместительные лодки, отходили баркасы с остатками войск: победители вниз по течению, побежденные – вверх.

К ночи равнина совершенно обезлюдела – смельчаков, которые отважились бы провести ночь в Полях, как обычно, не сыскалось.

Потому, что в гробу карманов нет.

Потому, что жизнь дороже денег.

В общем, лишь воронье, проклятое-помянутое в сотнях сотен баллад и застольных песен – такие песни на свадьбах не поют, только на тризнах, – с опытным видом шарилось над остывающей сечей.

Про то, что творится в Полях три ночи после сражения, ветераны рассказывали страшные вещи – не диво, что они первыми драпали восвояси, когда становилось ясно, кто кого. Даже калеки, и те старались поспеть затемно, хоть на своих троих.

Местное население ветеранским рассказам вторило. И хотя всегда находились образованные молодые люди из уважаемых семей, склонные всё презирать и подвергать сомнению (особенно же рассказы о призраках, демонах земли и хищном ветре), правду знал каждый: по истечении третьего дня трупы людей и животных, погибших в сражении, куда-то деваются.

Вот деваются – и всё. Земля их, что ли, жрет?

Первая ночь с ее хмурыми чудесами прошла.

А поутру в Поля явился Фрит. По молодости он и сам пробавлялся дергачеством, так что вид сотен распотрошенных тел не был ему внове. Тем более, в отличие от других дергачей, он знал, что из ловушки Полей, погруженных в трехдневное призрачное бешенство, все-таки можно выскользнуть. Нужно только быть чистым, не брать чужого и уметь говорить так, чтобы тебя слышали *там*. И знать лазейки.

Фрит пришел с рассветом и потратил почти полдня на поиски Эви – отменно сложенного серого жеребца чистых аютских кровей.

Нашел.

Нашел своего серого сокола, птицу быстролетную, лапушку-заю, дурилу хвостатого – как он его только ни величал.

Некоторое время Фрит сидел аутичной обезьяниной и смотрел в землю, ничего не говоря, ничего не выражая. И лишь когда порыв ветра скovyрнул шапку с его варварской башки, он распрямил спину и вытянул затекшие ноги.

– Уф-ф!

Он придвинулся ближе к коню и погладил его по узкой морде с белой проточиной до самых ноздрей. Черным алмазом горел застывший конский глаз – он смотрел прямо на Фрита.

Эви был мертв – еще в начале сражения ему переломали хребет двуручной секирой. Метили, конечно, в седока. Но лезвие безымянного наемника князя-самозванца Мергела окс Вергрин, оскользнувшись об оплечье добротного кожаного доспеха супостата, соскочило вниз, срезало бахрому с потника, ворвалось в тугое конское мясо и, протиснувшись между позвонков, перерубило горемычному животному спинной нерв.

Конь лежал, вытянув далеко вперед шею, свитую из холодных мускулов, – будто готовился к последнему прыжку. Он подогнул под брюхо ноги с широкими копытами, опушенными поверху длинной серой шерстью, и сердито обнажил желтые зубы – не иначе как саму старуху-смерть укусить пытался, да не случилось.

– Эви-Эви, птица моя быстролетная... А ведь шестнадцать лет – не возраст! Не уберег... Не сохранил... – скорбно приговаривал Фрит, перебирая пальцами конскую гриву мягкости необычайной – куда до нее холеным косам иных красавиц. – Но ничего. Это еще не конец. Мы еще встретимся с тобой, погуляем. В Слепой Степи встретимся. Я, Фрит, обещаю! Клянусь!

Нет, он не принимал участия во вчерашнем сражении. Отсиживался в осиннике за несколько лиг к северу и трясся, как оный же лист, – как бы княжеские разъезды не приняли его за шпиона, со всеми вытекающими.

Сыскав себе пустую землянку зверовщиков, Фрит устроил у закопченного очага жертвенник. Кое-как разжег огонь, воскурил последнюю щепоть благовонной смеси. И торопливо зарезал на нем двух недомерочных, с тусклым летним мехом хорьков. А когда земля насытилась кровью, возложил на жертвенник четыре дородных желудя, прутик омелы и горстку сахара – все как положено. Он даже окропил жертвенник честным вином! Когда жертва была принята, Фрит обстоятельно помолился – он просил бога войны Куриша пощадить Эви, волею злого случая оказавшегося в Полях.

Не помогло.

Наверное, жертва показалась худосочной. Или на мольбы профессиональных трусов вроде Фрита Куришу, патрону всех отчаянных рубак, было плевать с высоты шестнадцатого яшмового неба, где, и это Фрит знал совершенно точно, располагались его чертоги, снизу доверху облицованные разбитыми в бою щитами.

А может, жертву нужно было приносить, как и всегда, господину Рогу, богу-табунщику, покровителю всех всадников и всех коней на свете?

По рыжей проселочной дороге, которая поднималась на взъерошенный ветром холм, шли две девочки.

Одна – русая, ясноглазая, с кроличьей улыбкой – шлепала босиком.

Другая была обута. Ее увесистые каштановые кудри художественно удерживались на затылке шпильками, а кожаные сандалии с чужой ноги хоть и были ношенными, но все же выглядели почти по-городскому.

Обувь была ей велика, да вдобавок и стара, кожаная подошва нехоти расслоилась надвое. То и дело нижняя челюсть сандалии зачерпывала, как лопатка, сухой и мелкий дорожный песок, вздымая чихательное облачко. И тогда щеголиха – именем Гита – шипела: «Ш-ш-шилол тебя задери!»

Ее русую спутницу звали Меликой.

Мелике было двенадцать. Гите – на полтора года больше. Обе жили в поселке, который остался у них за спиной.

– А что ты своим сказала? – спросила Гита.

– Что мы купаться.

– А что со мной, сказала?

– Не-а. Мать меня залает. Она говорит, что ты испорченная. – Мелика посмотрела на Гиту, как бы извиняясь, и пожала плечами.

– Ис-пор-чен-на-я? – с издевкой поинтересовалась Гита.

– Ну... вроде как ты... Это из-за твоей матери... Что она... ну, за деньги, с мужчинами. – Щеки Мелики запунцовели. Чувствовалось, что объяснение далось ей не без труда.

– А что тут такого? – с хорошо отрепетированным спокойствием парировала Гита и добавила: – Нам деньги нужны.

– Ну, вы могли бы выращивать земляной орех. Как все. В ороде дают хорошие деньги...

– Тоже мне – деньги! Да моя мама за один вечер заработает столько, сколько они за месяц. Особенно если перед праздником... – Гита спесиво задрала нос. – И в грязи она не ковыряется. У нее белые руки.

– Ну Гиточка, ну маська, не злись! Пожа-а-алуйста! – прижав руки к груди, протянула Мелика и, остановившись, добавила: – Я тоже думаю, что они это от зависти говорят. И ты никакая не испорченная.

Гита тоже остановилась и посмотрела в глаза Мелике – не лукавит ли?

– А я и не злюсь. Скажешь еще! – Гита нервно расправила оборки на линиях платице, перешитом из некогда фасонистого туалета недорогой куртизанки, и снова зашагала. Сама невозмутимость!

Некоторое время они шли молча.

Гита нервно теребила стеклянные бусы с разноцветными костяшками и думала об огородничестве. Ей не нравилась грязь. И земляные орехи она тоже не любила. Впрочем, Гита не считала слова Мелики пустыми. Орехи не орехи, но можно ведь, например, шить. Бабушка рассказывала, что мама умеет шить. И что когда-то она была белошвейкой в поместье у одной благородной госпожи. И, верно, кроила бы по сей день рубахи, если бы не Один Подлец. Он подарил скромной белошвейке слишком нескромный подарок.

А Мелика думала о том, какой ужасный скандал будет, если родители узнают, где они с Гитой были.

Ходить в Поля было запрещено. И староста не далее как вчера обещал посадить на кол всякого, кто осмелится ослушаться запрета.

Потому что нельзя нарушать покой павших на бранном поле, пока не пройдет три лунных ночи и три дня.

Почему нельзя? Этого Мелика точно не знала.

«Наверное, потому что призраки».

Но призраков Мелика не боялась – главным образом потому, что их не боялась Гита. «Днем призраков не бывает!» – уверяла она Мелику.

Это была идея Гиты – пойти в Поля сразу, не дожидаясь, пока минет положенное время.

Мелике нравилось все, что предлагала Гита. Мелике очень нравилась Гита.

Фрит был узкоплеч, высок ростом и глядел на мир орехово-карими глазами.

Одет он был опрятно и не без затей – на шее у него красовался амулет, чей скромный вид компенсировался невероятной магической силой. Концы же серо-голубого плаща скрепляла на правом плече застежка: гадюка, скрутившаяся кукишем. Штаны, рубаха и ремень Фрита остро пахли хорошей кожаной мастерской. Если бы не шапка-кайныс, его можно было бы принять за северного грюта, тянущегося к наукам и прочему просвещению.

Но Фрит не собирался расставаться с шапкой. Настоящий мужчина должен носить кайныс, ибо кайныс был первым подарком богов людям-всадникам. Так считал Фрит. И точка.

Однако даже дикарский кайныс облик Фрита почти не портил. И люди просвещенные – например, варанцы – часто делали Фриту комплименты. Что, мол, для варвара он весьма элегантен.

Соплеменники, напротив, редко шли дальше малоумных обобщений – говорили «обабился».

«Да что с них, малохольных, взять, – думал Фрит. – Веру дедовскую забыли, обычаи не блюдут, от правды отпали. Даже жертвы пошли у них, как у всех „просвещенных“ – бескровны. Но разве богам нужны бескровные жертвы? Это как псов сторожевых гороховой кашей кормить...»

В общем, Фрит предпочитал общаться с варанцами и аютцами – те хоть и отступили от заветов дедовских, но, по крайней мере, этого не скрывали. Фрит не любил лицемерие. К сожалению, кроме как о лошадях, с деловыми аютскими мамашами Фриту говорить было не о чем. А варанцы чересчур любили воевать – и промеж себя, и с грютами, и с кем попало.

Когда дело доходило до междоусобий, на которые те времена были до мерзкого богаты, Фрит отсиживался в провинции, предпочитая жутко исторические городишки. Он заметил: некоторые из них война, даже самая людоедская, упорно обходит стороной, обтекает – как ручей высокою кочку.

Скоро Фрит вывел свое личное Правило Безопасного Места. Правило было простым, но работало, как небесная механика, – если городишко упоминается в «Хрониках Второго Вздоха Хуммера», написанных в пятьсотзачуханном году, значит, там бояться нечего.

Город поленятся осаждать, в него не войдет неприятель, в нем не встанет на зимние квартиры озябая армия. Даже цены на зерно и масло вырастут лишь для проформы – вот, дескать, у нас тоже военная истерия и бесчинствуют спекулянты.

«Хроники» Фрит всегда возил с собой в дорожной сумке вместе с самым необходимым – жертвенной чаркой, лекарством для Эви, солью и *честным вином*. Время было нервным, Фрит любил путешествовать, и неудивительно, что книгу он перечитывал многократно.

Некоторые особенно богатые топонимами места (вроде «егда бо грядеши на грютов Радагарны, Гирны, Согирны и Умугамы с войною» или «проходяше между Урталаргисом и Белой Весью, искусиша воеводу лицемеры фальмские») Фрит успел заучить наизусть.

Благодаря этому он не раз сходил за своего в компании действительно образованных людей.

Фрит ненавидел войну. Он приторговывал лошадьми, покупая здесь, перепродавая там. А на войне таким, как он, делать было нечего. На войне ничего не покупали, там тратили и изводили, словно на спор – кто быстрее – купленное загодя.

Но главное, война, по мнению Фрита, была богам не угодна. Да, кровь там лилась рекой. Но река эта впадала не в то море...

В войне Фрит видел пустое расходование ценного продукта – человеческой крови. Что толку для Куриша, Рога или Гуда, бога небесной ярости, в том, что одна тысяча варанцев забьет в землю другую тысячу под истеричный грохот барабанов? Боги любят тонкости и тишину, боги любят слова, сказанные с чувством и вовремя. Боги любят, когда все совершается обстоятельно, а не с бухты-барахты.

Боги любят, когда кровь проливают ради них, а не ради спорного урочища, промысла или рудника...

В Поля Фрита не занесло бы никогда и ни за что, если б просвещенные варанские скоты именем Князя и Истины не конфисковали у него Эви, когда он следовал в абсолютно безопасный городишко Корсис (Он упоминался в «Хрониках» дважды!).

Это произошло четыре дня назад.

Все четыре дня Фрит тайком следовал за войском князя Занга окс Ладую – все пытался вызволить свою лапушку, свою серую птицу, Эви.

Звал его и свистом, и словом, и любимым его лакомством, выкладывая из земляного ореха целые пунктирные тракты, оканчивающиеся в безопасных кустах – авось заметит, поймет, вырвется. Пытался подкупить конюхов. Даже стражу пробовал усыпить.

Но хрен там.

Сопалатник окс Ладуй Ингар – тот самый, что затеял конфискацию, когда Фрит отказался взять за Эви предложенную баснословную цену (а затем отказался снова, когда Ингар цену удвоил) – знал толк в скакунах.

Его было не обмануть неказистой сбруей и нечищеными боками. Челядинцы Ингара не спускали с конфискованного коня глаз – ведь гиазир Ингар выразил желание идти на нем в смертный бой!

И что?

В Полях погибли и сам Ингар, и окс Ладуй, и Эви. И князь, так сказать, и истина.

А для Мелики и Гиты эта история началась вот как.

– Недавно у нас ночевал один мужчина. Его звали Лид, – рассказывала Гита. Они сидели на бревнышке у гнилого озера и грызли семечки. – Мама говорит, он жрец храма Элиена Звезднорожденного. Мама его всегда хвалит. Он постоянный клиент. И потом, он хорошо платит и ничего не требует.

– Совсем ничего? – с подначкой спросила Мелика. Ей нравилось, когда Гита говорит цинично, и она использовала всякую возможность подбить Гиту на «правду жизни». Ей было интересно.

– Ничегошеньки, – Гита отрицательно замотала головой. – Ему только надо, чтобы мама его слушала. А всякие нежности – это ему не надо.

– Он старый?

– Не очень. Просто ему не нравятся женщины. Вообще никакие.

– Вот дурак! – хихикнула Мелика.

– Нет, он не дурак, – серьезно возразила Гита. – Наоборот, Лид ужасно умный! Он знает, как называются все звезды. И может говорить как иноземцы.

– И как варвары?

– А то! Он даже меня научил.

– Ну тогда скажи что-нибудь по-варварски!

Гита скорчила рожу – искривила губы, выпятила нижнюю челюсть и нахмурила брови, – она хотела походить на Куриша, варварского божка войны, свирепую рожу которого видела однажды на нагруднике случайного маминого клиента. И патетически провозгласила:

«Гыгрыфыр фурбабыр!» А потом еще раз: «Гыгрыфыр фурбабыр!»

Впечатленная Мелика отреагировала не сразу.

– И что это значит? – спросила она, выдержав одобрительную паузу.

– Это значит «Мелика – коза», – взгляд Гиты враз *озорился*, если позволительно так сказать о двух озорных солнышках, что сверкнули в ее глазах. И она рассмеялась писклявым девчачьим смехом.

– Сама ты коза, – для виду надулась Мелика. Надолго ее не хватило – вскоре они хохотали вместе.

– И что этот жрец? – спросила любознательная Мелика, когда веселье унес порыв ветра.

– Рассказывал про Серый Тюльпан.

– Серый?

– Ага, – кивнула Гита и, по-родительски глянув на Мелику, добавила уже другим тоном: – У тебя лушпайка на верхней губе прилипла. Сними.

Мелика мазнула пальцами по мордашке. Еще раз мазнула. Порядок.

– А что, разве бывают серые цветы? – спросила она.

– Сто пуд!

– И где тогда они растут?

– В полях. Таких, как наше Поле. Там, где была битва, – Гита понизила голос. – Серый Тюльпан вырастает в том месте, где умер человек, который подумал о цветах перед самой-самой смертью.

– Как-то непонятно это, – Мелика лениво зашвырнула в воду голыш.

– Что тут непонятного? – взвилась Гита. – Вот тебя проткнули мечом. Так?

– Так.

– И ты умираешь. Представила?

– Представила.

– И кишки у тебя вываливаются наружу, такие коричневые.

–BLUE-е... – Мелика закатила глаза, перегнулась пополам, вывалила черный от семечковой гари язык и спазмически дернулась – словом, сделала вид, что ее сейчас стошнит. Она научилась этой ужимке у Гиты и втайне ужасно гордилась тем, что смогла превзойти наставницу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.